

Jos Schaeken, **Voices on Birchbark: Everyday Communication in Medieval Russia** (= *Studies in Slavic and General Linguistics* 43), Leiden, Boston: Brill, 2019, 212 p.

Эту книгу о новгородских берестяных грамотах, рассчитанную на широкую англоязычную аудиторию, написал Йос Схакен, профессор славянских и балтийских языков и истории культуры Лейденского университета (Нидерланды), известный специалист по церковнославянской и древнерусской письменности, в том числе берестяным грамотам и средневековым русско-немецким разговорникам. Это несколько расширенная версия более раннего нидерландского издания¹, учитывающая опубликованное по-английски самим автором дополнение к ней², в котором рассмотрены грамоты, опубликованные в 12-м томе специализированного научного издания³.

---

¹ Jos Schaeken, *Stemmen op berkenbast. Berichten uit middeleeuws Rusland: dagelijks leven en communicatie*, Leiden: Leiden University Press, 2012.

² Jos Schaeken, Comments on birchbark documents found in the twenty-first century, *Russian Linguistics* 41, 2017, 123–149.

³ Valentin L. Janin, Andrej A. Zaliznjak, Aleksej A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*, Moskva: Jazyki slavjanskoj kultury, 2015.

Книга состоит из вводных вспомогательных текстов (с. IX–XVIII, 1–2), трех основных разделов (каждый из которых подразделен на главы), заключения, двух цветных иллюстраций с пояснениями (с. 188), списка литературы (с. 189–206) и двух указателей: номеров берестяных грамот (с. 207–209) и предметного (с. 210–212).

Издание открывается вспомогательными текстами: благодарностями, кратким введением, списками иллюстраций и условных сокращений, а также дополнительными комментариями автора относительно перевода и транслитерации текстов, терминологии и библиографического аппарата. Во введении раскрыта интердисциплинарность берестологии, развиваемая усилиями (полевых) археологов, филологов-языковедов и историков, причем археология как вспомогательная историческая дисциплина отделена здесь от собственно истории – вероятно, в расчете на широкого (непрофессионального) читателя.

Первый раздел «Письмо на бересте» (с. 5–53) кратко освещает исторический и географический контекст (раннюю историю, внутреннюю организацию и внешние связи Новгорода), географическое распространение

и хронологию обнаружения берестяных грамот, их датировку и периодизацию (с первой половины XI по конец XV в.), технологию и практику письма, характеризует пользователей грамот и их грамотность, взаимосвязь грамот и местных граффити, а также язык и коммуникационные особенности берестяных грамот.

Положенные на карту данные о количестве берестяных грамот, обнаруженных в разных городах (с. 18), уже успела несколько устареть, поскольку в Старой Руссе недавно найдены еще две грамоты. Это не удивительно: почти каждый археологический сезон, начиная с 1951 года, связан с новыми находками, что прекрасно показано в рецензируемой книге (с. 21).

Краткая (предварительная) характеристика языкового разнообразия берестяных грамот (с. 25) не полна, поскольку лишь отчасти пересекается с содержанием специального раздела 2-й главы, посвященного неславянским языкам на бересте (с. 133–137).

Второй раздел «Коммуникация в повседневной жизни» (с. 57–137) посвящен широкому тематическому спектру, отраженному в берестяных грамотах: коммерческой и финансовой деятельности, праву и администрации, распоряжению недвижимостью, семейной жизни и управлению хозяйством, обучению чтению и письму, церковно-религиозным делам и народным верованиям, фиксируемым грамотами историческим событиям и, наконец, присутствию в них неславянских языков.

Третий раздел «Прагматика коммуникации» (с. 141–185) рассматривает наличие в берестяных грамотах признаков устной речи, а также роль посредника в построении сообщения; отдельно обсуждаются коммуникативно неоднородные тексты, описываются выявленные в берестяных грамотах социальные сети между конкретными людьми.

Краткое заключение (с. 186–187) расставляет основные акценты, помогая осмыслить изложенный материал в историческом и прагматическом ключе. В тематическом указателе есть некоторые пробелы: так, читатель не найдет в нем уйгурского и монгольского языков, представленных во фрагментах берестяной рукописи (с. 25), а также семитских языков, упоминаемых в связи с новгородскими граффити (с. 46, 129, прим. 9).

Читателям-балтистам будут интересны тексты новгородской берестяной грамоты № 590 (*литва вьстала на корьлоу*), датированной ок. 1075–1100 гг. (с. 37, 129), а также грамоты № 636 (ок. 1260–1280 гг.), связанной с историей Полоцка и Литвы (с. 130).

Интерпретация берестяных грамот весьма сложна и не всегда однозначна. Так, например, глагол *кланатиса* может значить не только '1. делать поклон для выражения почтения, мольбы и т.п.', но также и '4. просить, обращаться с просьбой' (то же и в современном русском языке)⁴, при

---

⁴ Ruben I. Avanesov (ed.), *Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)* 4,

этом в начале грамоты будет представлено первое значение (с. 92), но в середине текста после выраженной просьбы более вероятно второе. В связи с этим предполагаемая С. Схакеном прямолинейная интерпретация грамоты № 422 (с. 41, 92, 146–147), не учитывающая более подходящего здесь переносного значения, требует специальных доказательств.

Более того, пересказ этой грамоты не всегда точен, ср.: “he <т.е. автор грамоты> includes instructions about bowing to the addressees (с. 41)”, хотя в самой грамоте вместо заявленных инструкций предполагаемому посреднику стоит “And Mestjata <автор грамоты> bows to you (both)” (с. 146), т.е. обоим адресатам.

Дело в том, что употребление в грамотах глагольных форм 3-го лица (в том числе наряду с 1-м лицом) при имени отправителя интерпретируется Й. Схакеном как указание на наличие в коммуникативной ситуации некоего посредника (писца и (или) посланника) между отправителем и получателем грамоты (см. интерпретацию грамот № 422 и 745 на с. 147, 154). Однако современные русские эпистолярные тексты показывают, что автор может говорить о себе в 3-м лице при

заведомом отсутствии каких бы то ни было посредников, ср., напр., письмо А. П. Чехова О. Л. Книппер-Чеховой от 13 апреля 1904 г.: «Моя милая старушка, кланяется тебе твой старичок, которого ты уже забыла и на которого, как мне кажется, уже махнула рукой. Вчера получил от симпатичного г. Арабажина письмо и рецензию»⁵. Если Чехов мог себе позволить употребить по отношению к себе глагольную форму 3-го лица и тут же перейти на 1-е, то нужно специально доказывать, что подобное не могли сделать авторы берестяных грамот. Профессиональные берестологи считают, что это было возможно: «называть себя в письме в третьем лице, по-видимому, иногда могли и сами авторы»⁶.

Предлагая собственные решения, Й. Схакен обычно приводит ссылки на альтернативные интерпретации иных авторов, расходящиеся с его собственным мнением. Но изредка он их замалчивает, даже когда заведомо знает об их существовании: при обсуждении граффити с упоминанием

---

⁵ Anton P. Čechov, *Polnoe sobranie sočinenij i pismen v 30 tomach. Pišma* 12(12): *Pišma, 1904. Darstvennyje i drugije nadpisi*, Moskva: Nauka, 1983, 85 (Nr. 4401).

⁶ Valentin L. Janin, Andrej A. Zaliznjak, Aleksej A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*, Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015, 56.

Moskva: Russkij jazyk, 1991, 212–213; Viktor V. Vinogradov (ed.), *Slovar' sovremenного russkogo literaturnого jazyka* 5, Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956, 989–990.

Ефрема Сирина (с. 46)⁷ и надписи кунирони (с. 129, прим. 9)⁸.

В книге изредка встречаются фактические ошибки, не затрагивающие, впрочем, ее основного содержания. Так, утверждение, что выражение *чьстьное дръво* не встречается нигде за пределами берестяной грамоты № 246 (с. 75: «as no parallel to the expression ‘Holy wood’ is attested in the birchbark corpus or indeed elsewhere») неверно: лексикографы зафиксиро-

---

⁷ Sergej J. Temčín, *Upomínanie Efrema Sirina v graffito XI veka novgorodskoj Sofii*, in Aleksandr D. Duličenko (ed.), *Slavistika v Ėstonii i za ee predelami* (= *Acta Slavica Estonica 3: Slavica Tartuensia 10*), Tartu: University of Tartu Press, 2013, 101–108.

⁸ Sergej J. Temčín, *Grečeskij geobraizm „kunironi“ v graffito XI v. novgorodskoj Sofii i cerkovnoslavjanskaja gimnografija*, in Elena A. Meľnikova (ed.), *Vostočnaja Evropa v drevnosti i Srednevekov’e 25: Ėkonomičeskie osnovy formirovanija gosudarstva v drevnosti i Srednevekov’e. XXV Čtenija pamjati člana-korrespondenta AN SSSR V. T. Pašuto i pamjati člana-korrespondenta AN SSSR A. P. Novoseľceva, Materialy konferencii, Moskva, 17–19 aprelja 2013 g.*, Moskva: Institut vseobščej istorii, 2013, 254–259. См. также: Alexey A. Gippius, Holger Gzella, Savva M. Mikheev, Jos Schaeken, *Semitic inscriptions in the St. Sophia Cathedral in Novgorod: a reply to alternative interpretations*, *Russian Linguistics* 44, 2020, 1–12.

вали его многократно⁹. Женщина по имени Ярина строкой выше ошибочно названа Ярилой (с. 99). Один и тот же набор инципитов воскресных тропарей на разные гласы называется то во множественном, то в единственном числе (*troparia, troparion*, с. 113), тогда как верно лишь первое. Употребление древнерусского прошедшего времени (исторически: причастий на *-ль*) для обозначения близкого будущего события иллюстрируется формами с совершенно иным грамматическим значением – повелительного наклонения (с. 153, прим. 17).

Читатели-палеослависты вряд ли оценят замечание о том, что берестяные грамоты проливают свет на зародышное состояние будущего русского литературного языка (с. 186). Здесь, видимо, имеются в виду не древнерусские диалекты (прежде всего древненовгородский), широко представленные в берестяных грамотах, а нечастые случаи употребления общедревнерусского языка (т.е., the supra-regional variant of Old East Slavic, с. 52) или, скорее всего, его отдельных элементов, однако этот язык лишь с большой натяжкой можно назвать зародышным состоянием русского литературного языка.

В целом же новую книгу Й. Схаекена следует оценить весьма поло-

---

⁹ Ruben I. Avanesov (ed.), *Slovar’ drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)* 3, Moskva: Russkij jazyk, 1990, 81.

жительно: она написана на ясном и доступном языке и потому будет полезна как студентам-русистам (филологам и историкам), так и широкому кругу англоязычных читателей, интересующихся столь ярким явлением письменной культуры Древней Руси, как берестяные грамоты. Читатели, несомненно, отметят профессионализм и краткость изложения (которая в данном случае действительно явля-

ется сестрой таланта), а также многосторонний и во многом весьма критический подход автора к излагаемому предмету.

Sergejus TEMČINAS
Lietuvių kalbos institutas
P. Vileišio g. 5
LT-10308 Vilnius
Lithuania
[sergejus.temcinas@flf.vu.lt]